

Миклухо-Маклай Николай Николаевич

**Путешествия Н. Н. Миклухо-
Маклай**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
Н63

Н63 **Николай Николаевич М.**
Путешествия Н. Н. Миклухо-Маклай: Том 2 / Миклухо-Маклай Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 311 с.

ISBN 978-5-519-96431-9

ISBN 978-5-519-96431-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

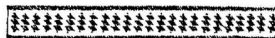

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Океания
Индонезия

М Е Л А Н Е З И Я

ОСТРОВА АДМИРАЛТЕЙСТВА

ОЧЕРКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАПАДНУЮ МИКРОНЕЗИЮ И СЕВЕРНУЮ МЕЛАНЕЗИЮ

Шестого мая 1877 г. мы подошли к о. Вуап, и я съехал на берег, у большой дер. Киливит, на севере острова. Из этой деревни отправлялась с нами партия (22 туземца) для ловли и приготовления трепанга на острова, на S от экватора, нанятая одним из трэдоров, живших на о. Вуап. Более года тому назад он заключил условие с вождем Киливита, который обязался в уплату за перевоз «фе» из Пелау отпустить с этим трэдором известное число туземцев для ловли трепанга. Вскоре после заключения договора случился печальный факт, что из 65 туземцев Вуапа, отправившихся в двух партиях на европейских судах, вернулось обратно только 7 человек, из которых умерло еще несколько по возвращении домой. Это обстоятельство, разумеется, очень озадачило жителей Киливита, и начальнику было трудно добыть людей: никто не хотел отправиться, видя, что шансы на возвращение очень неверны. Но туземцы, несмотря на это, сдержали слово, и начальник, чтобы убедить других, сам показал пример, послав с прочими своего старшего сына. Пример подействовал, и трэдору удалось и в этот раз получить раб-отников.

Когда многочисленные пироги привезли отправляющихся с нами туземцев и провожающих их родственников и друзей, я заметил, что между первыми был и их «матра-мат», который привез с собою маленького деревянного идола, обвязанного тряпками. Идол этот висел у него на груди. На мои вопросы я получил весьма неудовлетворительные ответы: мне сказали, что, когда кто из туземцев заболел, этого идола ставят около больного и что один из больших «матра-мат» дал идола, чтобы сопровождать экспедицию для предотвращения всяких бедствий. Мое любопытство, видимо, не нравилось туземцам, и они поспешили унести свою святыню в трюм. До этого я не видал ни на о. Вуап, ни на архипелаге Пелау никаких человекоподобных изображений (за исключением «Дилукай» на архипелаге Пелау), которым придавали бы какую-нибудь особенную, сверхъестественную силу.

Через неделю, именно 14 мая, мы приблизились к группе Улей.¹ Я насчитал 16 островков, из которых 6 были больше других. К нам выехало значительное число пирог. Люди были немного темнее туземцев Вуапа, имели лицо, раскрашенное красною краской; носовая перегородка

¹ На некоторых картах этот архипелаг носит название Волеа.

была пробуравлена, зубы белые. Некоторые были татуированы; рисунок татуировки не отличался от виденного на о-вах Вуап и Магмуг. Красиво татуированный производит впечатление хорошо одетого, и в толпе, в которой находятся татуированные и нетатуированные, невольно сперва обращаешь внимание на первых. Между людьми среднего роста, из которых многие молодые были весьма красивы лицом и хорошо сложены, некоторые отличались замечательно высоким ростом. Я смерил одного, который был выше других: он оказался 1810 мм вышины.

Прощителевав всю ночь, мы незначительно отделились от группы, но миль 5 или 6 расстояния от нее не помешали выехать пирогам. Туземцы здесь очень падки на табак, так что небольшой кусок его предпочитают жую.

На одном из островов этой группы живет европейский трэдор.

На второй день, после того как мы увидели силуэт о. св. Матвея, именно 27 мая, мы оказались при рассвете на О от главного острова группы Адмиралтейства, около островков, которые на карте носят названия: Los Reyes, Gabriel, Rafael, Horno, La Vandola. Как и у о. св. Матвея, к нам не выехала ни одна туземная пирога; это было еще понятно там, так как мы прошли в значительном расстоянии от берега; здесь же мы проходили некоторые из островов в расстоянии не более одной мили и даже менее, так что можно было различать предметы на берегу: хижины, пироги, людей. Причиной было, вероятно, то, что утром шкипер, под предлогом «быть наготове», пробовал свои игрушечные орудия; хотя и не звук, а дым выстрела, вероятно, достаточно напугал туземцев, чтобы парализовать их любопытство.

Около группы Иезу-Мария, которую мы прошли 27 мая около 4 часов, в октябре прошлого года произошло трагическое происшествие, один из многочисленных примеров поведения европейских шкиперов, плавающих в этих морях.

Шхуна «Рупак», шкипер Голл, под английским флагом, забрав на о. Вуап человек 30 туземцев, крейсировала около о-вов Адмиралтейства, отыскивая удобное место для ловли трепанга. Около архипелага Иезу-Мария к шхуне выехало множество пирог; шкиперу показалось это обстоятельство опасным, тем более, что он заметил большие связки копий на пирогах. Не имея других причин, кроме трусости, он стал стрелять по пирогам туземцев. Видя, что испуганные туземцы, выехавшие к шхуне, по всему вероятно, для торга, обратились в поспешное бегство, шкипер вздумал дополнить свою победу. Он послал бывших с ним туземцев Вуапа на большой шлюпке в погоню, оставшись, разумеется, сам на шхуне.

Незнакомые с местностью, в пылу погони, туземцы Вуапа попали на риф и, не умея хорошо управляться с европейскою шлюпкой, не могли скоро сплечь ее в глубокую воду, почему были врасплох настигнуты жителями Иезу-Мария и на виду у шхуны перебиты копьями. Шкипер не попытался подать им во-время помощи и поспешил в свою очередь обратиться в бегство.

Пройдя в ночь незначительное расстояние, мы увидали утром 28 мая южный берег большого острова, который к W был горист, на О же тянулся длинною извилистою полосой. Кроме этого берега главного острова, виднелось несколько высоких и низких островков, которых я не могу с точностью указать на морских картах.¹ Между прочими один из

¹ Вся группа весьма недостаточно подробно нанесена на картах.

островков отличался своими холмами, форма которых заставляла предполагать их вулканическое происхождение. Я впоследствии узнал, что туземное название этого острова Лу, или Ло, и что туземцы получают там обсидиан, из которого они выделывают острия своих копий.

Довольно большая пирога с маленьким четырехугольным¹ парусом шла от этого острова, пересекая наш путь; туземцы, находившиеся на ней, не показали и тени страха, когда встреча со шхуной стала неизбежной. Они, вероятно, уже не раз бывали в подобном положении и, как знающие в чем дело, свернули во-время парус, поймали брошенный со шхуны конец и, убедившись, что за кормой пирога их совершенно вне опасности быть залитою волнами, влезли на палубу.

Пирога эта, кроме небольшого четырехугольного паруса, имела еще две другие особенности, которые бросались в глаза. Во-первых, мачта ее была укреплена не в самой пироге, а за бортом ее, где заостренный нижний конец ее опускался в петлю из ротанга; во-вторых, платформа посредине пироги не лежала горизонтально, а стояла наклонно, образуя тупой угол с бревнами, соединяющими балансир с пирогой. Такое положение платформы, которое представляет большое неудобство для сидящих в пироге, имеет, как я предполагаю, ту выгоду, что облегчает сохранение равновесия, особенно необходимое при значительном волнении, когда парус находится на стороне балансира, отчего крен пироги обыкновенно так значителен, что балансир почти постоянно погружается в воду.² Рея, стеньги и штаги пироги были украшены кистями длинных прядей человеческих волос. При виде этих выпелов туземцы Вуапа, которые были на шхуне, встревожились и опечалились, признав в них волосы своих соотечественников, перебитых недалеко от этого места в прошлом году, о чем я рассказал выше. Это предположение было весьма вероятным, потому что волосы этих длинных кистей во всяком случае принадлежали не меланезийцам, а туземцам Вуапа, которых было перебито достаточно у рифа Иезу-Мария, чтобы украсить снасти не одной пироги. Мысль, что туземцы, которых мы встретили, нередко бывают в сношениях с европейскими судами, скоро оправдалась: между поклажей, которую они имели с собою на пироге, находилось небольшое зеркало, несколько ножей и топор. Кроме разных туземных украшений, на руках и ногах наших новых знакомых находились браслеты из разноцветных бус, по форме и качеству которых трэдоров, бывшие на шхуне, заключили, что перед нами было здесь судно из Австралии. Наши новые спутники жестами показывали на берег, где была, должно быть, их деревня, которую они называли Лонеу, и приглашали нас туда. Назначение шхуны при посещении этих островов были меновая торговля и постепенная высадка шести трэдоров, но так как последним в точности не было известно — изобилует ли именно этот остров естественными произведениями, как то: жемчужными раковинами, черепахой и трепангом, то мы и направились к указанному берегу, где виднелись кокосовые пальмы и ряд хижин вдоль берега.

¹ Четырехугольная форма паруса кажется характеристичною для Меланезии; у полинезийцев и микронезийцев я всегда видел треугольные паруса.

² Туземцы берега Маклая, имея пироги с горизонтальною платформой, в случае свежего ветра, боясь потерять баланс, становятся на противоположный выносу паруса борт пироги и, держась за конец, прикрепленный кверху мачты, своею тяжестью и движениями тела, сообразными с креном пироги, не допускают балансир погружаться слишком в воду, отчего пирога сохраняет равновесие.

Когда можно было ясно различать людей, находящихся на берегу, туземцы, бывшие с нами, знаками и криком стали звать своих соплеменников на шхуну, вследствие чего некоторые пироги со множеством туземцев всех возрастов окружили судно; туземцы, крича во все горло, старались перекричать друг друга, предлагая свои произведения или передавая свои замечания один другому. Несмотря на страшный гам людских голосов, я, пользуясь случаем первого столкновения, занялся решением задачи: с которой из папуасских разновидностей, прежде мною виденных, эти новые физиономии и фигуры имеют наибольшее сходство? Не успел я перебрать в памяти разновидности папуасов, которых я имел случай ранее видеть, как почти убедился, что, если бы я встретил эту толпу около берегов Новой Гвинеи, то никогда не подумал бы отличить этих людей от тамошних папуасов, туземцев берега Маклая, и считать их за особую разновидность. Не развлекаясь множеством оригинальных украшений и новых для меня мелочей, как навешанных на туземцах, так и наполнявших их пироги, я старался только уловить общий тип. Чем более я всматривался, тем менее мне казалось естественным считать туземцев Новой Гвинеи, Новой Ирландии и о-вов Адмиралтейства (южного берега) чем-либо иным, как географическими разновидностями одного племени.

Туземцы носят здесь много разнообразных украшений. Начну с головы и волос. Из разных куафюр, которые здесь в моде, одна особенно отличалась от усвоенных папуасами причесок. Зачесанные назад и смазанные маслом с охрой волосы были туго обвязаны красною тапой (выделанная древесная кора), что представляло вид как бы надетого на затылок узкого колпака; когда же тапа не скрывает всех волос, то расчесанный пучок их, окрашенный красною землей, образует довольно оригинальный шиньон, висящий на тонком стебле, который образуется из туго связанных волос, часто до 20 см длиной.

Характеристичное украшение, носимое здесь то на голове, то на груди, состоит из правильно вырезанного и хорошо выполированного круга, нередко в 12 см в диаметре, сделанного из одной большой раковины; иногда этот круг заменяется одною обчищенною, но не полированную жемчужною раковиной. Часто поверх этого белого круга бывала прикреплен в центре красиво и разнообразно вырезанный орнамент из черепахи, которого рисунок резко выступает на белом фоне раковины. В отверстие носовой перегородки у туземцев был вдет шнурок с нанизанными на нем мелкими раковинами, на котором также висел выточенный из раковины (вероятно, из рода *Tridacna*) наконечник, величиной в большую ручку для стальных перьев. Это оригинальное украшение, имея от 20 до 25 см длины, болталось под носом. Ожерелья были сделаны из зубов собак, находились нередко между ними и зубы людей; для придания ожерелью разнообразия в известных промежутках между зубами были нанизаны мелкие кости, между прочим и людские *phalangi digitorum*. Я заметил у многих пожилых людей аппарат, которого значение осталось для меня темным; он состоял из пучка тонких ветвей, на которых засохшие листья были сохранены; эта метелка имела рукоятку из верхней части человеческого humerus. Эту метелку туземцы носили на шнурке вокруг шеи, так что она болталась у них то на груди, то на спине. Я не узнал, для чего она служит, заметил только, что туземцы неохотно с нею расставались, когда я предложил им выменять ее на европейские изделия.

Туземцы были настолько хорошо знакомы с требованиями европей-

ских торговых судов, что подъехавшие пироги были нагружены всеми предметами торга. Кроме черепахи и жемчужных раковин,¹ на пирогах находились предметы, заинтересовавшие меня в этнологическом отношении. Та б и р ы² разных размеров, с красивыми резными ручками, по своей величине и искусной отделке обратили мое внимание. Диаметр некоторых достигал 72 см; правильность круга и изгиба вне и внутри была замечательна как образчик ручной и глазомерной работы. Другие сосуды различной формы, как, напр., большие блюда, вазы, бутылки и т. п., были собственнo не что иное, как корзины, сплетенные из тонкого ротанга, пропитанные непромокаемым черным составом, вероятно, соком какого-нибудь растения. Туземцы также привезли для меня множество хорошо сделанных сетей, тонкая бечевка которых была сплетена из весьма крепких фибр. Наконец, ко п ь я, с острием, состоящим из удачно отколотого куска обсидиана, имели оправу из какого-то весьма твердого цемента, часто мастерски украшенную орнаментом, которая соединяла острие с древком.

До захода солнца туземцы теснились вокруг шхуны. Когда стало темнеть, мы, не найдя хорошего якорного места, отошли немного от берега и легли в дрейф. Ночью все положительно на шхуне спали, так же как шкипер и рулевой. Утром 29 мая, когда понемногу весь служащий персонал проснулся, мы оказались занесенными далеко на SSW от вчерашней деревни, около которой предполагалось остановиться, и очутились около маленького островка, который виднелся вчера вечером на горизонте. Был почти штиль; к нам приблизились от ближайшего берега две маленькие пироги. В одной из них находилась молодая женщина, которая, как и прочие туземцы, взобралась на палубу. Ее внешность отличалась богатой татуировкой, которую было покрыто все лицо и тело до колен. Это были шрамы, расположенные без всякой симметрии; прямые и кривые линии их перекрещивались вдоль и поперек. Татуировка состояла не из наколотых точек, как в Микронезии, а из тонких шрамов, шириной около 0.3 мм, сделанных острым орудием, как я убедился впоследствии — осколком обсидиана.³ Другой род татуировки составляли пятна — зажившие ранки от ожогов древесным углем. Третий род — покрытые гладкою кожей желваки; эта гипертрофия кожи была, вероятно, следствием втирания какого-нибудь вещества в рану; последних было немного: несколько на плечах и между грудями. Пока я рассматривал татуировку и мерил голову, туземец, с которым приехала эта женщина, видя, что на нее обращено большое внимание, стал ее предлагать европейцам, кладя свой кулак ей на колени и вставая в него палец другой руки, на что она слегка улыбалась. Это меня крайне удивило, так как меланезийцы весьма нравственны, и подобная услужливость вовсе не в их характере.

Не успел я измерить голов других туземцев, как они заговорили что-то в большой тревоге, указывая на берег, у которого мы стояли вчера, и на

¹ Туземцы, будучи еще незнакомы с ценностью жемчуга, выбрасывали обыкновенно животное обратно в море, сохраняя от него одну только раковину.

² Та б и р — название, которое дают папуасы берега Маклая большим чашам или блюдам, выдолбленным из дерева и употребляемым для сервировки кушаний.

³ Совершенно подобную татуировку я видал на Новой Ирландии (в Port Praslin) и у негритосов в горах Лимай на о. Люсоне, где шрамы, однакоже, были немного толще, так как инструментом для татуировки служил нож из бамбука, а не острый и тонкий осколок обсидиана. У негритосов женщины были также более татуированы, нежели мужчины.

несколько пирог, показавшихся из-за мыска. Они мимикой уговаривали шкипера и трэдоров не возвращаться туда, а направиться в их сторону, далее на W. Когда же пироги наших вчерашних знакомых стали приближаться, все поспешили спуститься в свои пироги и стали удаляться в противоположную сторону, между тем как туземцы Лонеу, завидя отвалившие пироги, кричали им что-то вслед, стоя на платформе своих пирог, и грозили копьями. Очевидно, мы находились на границе двух враждебных деревень. Вновь прибывшие, заняв на палубе место первых, в свою очередь стали усердно звать нас в деревни Лонеу и Пуби и, указывая на удаляющиеся две пироги, постоянно повторяли: «усия», желая мимикой дать понять, что те люди людоеды,¹ и т. п.

Часам к 10 шхуна была окружена более чем двадцатью пирогами различной величины, и на юте шел оживленный торг. Картина его была характеристичная: незначительный ветерок едва подвигал шхуну и не мог парализовать сколько-нибудь силы лучей палящего, ослепляющего солнца (к 11 часам в тени было 32°С); у кормы несколько десятков разукрашенных, размалеванных папуасов кричали, прыгали из одной пироги в другую или бросались в море, держа предметы мены над головой и достигая таким образом до шхуны. У борта происходила страшная давка: несколько рядов туземцев, стараясь перекричать других, предлагало свои произведения, толкалось, пытаясь пробраться на палубу или спуститься обратно в пирогу. С другой стороны, трэдоры и шкипер с револьверами за поясом, окруженные лежащими наготове штуцерами разных систем, с мешочками, наполненными бисером и стеклянными бусами в руках, отсыпали их маленькими мерками, не больше наперстка, туземцам в уплату за щиты черепах, жемчужные раковины и другие местные произведения.² Для дополнения картины прибавьте полдюжины туземцев Вуапа, с заряженными ружьями, стоящих на рубке около шкипера, который с вечера зарядил свои игрушечные пушки и приготовил сегодня тлеющие фитили «на всякий случай».

Иногда, когда ют слишком переполнялся, на туземцев травили большого и сильного водолаза, которого они доселе боятся более трэдоров, шкипера и всего экипажа шхуны, вместе взятых. Едва собака пока-

¹ Значение слова «усия» осталось мне неизвестным; может быть оно значит: неприятель или дурной, или просто выражает название местности. Я не видел ничего, подтверждающего существование людоедства на о-вах Адмиралтейства; украшения из челюстных зубов и людских костей недостаточны, чтобы служить доказательством. Слова же туземцев имеют в этом случае еще менее веса, так как очень распространенная уловка дикарей состоит в выдумке всего возможного и невозможного, единственно с целью заставить белого согласиться с их мнением.

² Проценты, которые берут европейцы при этой торговле, выменивая мелкий бисер на черепаху и перламутр, могут считаться сотнями. Один из опытных трэдоров, много лет занимавшийся этим делом, рассказывал мне, что во многих случаях при торге на островах Тихого океана барыш в 800% не редкость. Разумеется, главная выгода достается главной фирме, которая доставляет трэдорам — своим агентам — предметы для мены, с назначением цен, по которым от них принимаются произведения островов. Не помню всех мне сообщенных цен, но все они были замечательно высоки, напр. пустая бутылка от вина или пива ценилась приблизительно около 1 доллара. Понятно, что трэдоры при торговле с туземцами также не упускают случая набить еще большую цену, чтобы и для себя заработать что-нибудь. Слушая эти рассказы и видя на деле, что они не преувеличены, я невольно вспомнил страницу в сочинении Уоллеса (во втором томе его сочинения о Малайском архипелаге), где он негодует, что туземцам о-вов Ару достаются европейские произведения почти что не дороже, чем европейцам в Европе. Уоллес мог бы остаться доволен заработком европейских купцов в Океании.

зывала свои большие зубы или начинала лаять, ют мигом очищался, и давка у борта еще более усиливалась; многие бросались в море, чтобы скорее уйти, другие лезли на ванты. Это очень тешило шкипера и трэдоров.

Несмотря на жару, раздражающие нервы крики и говор, давку около борта, суматоху при травле туземцев собакою и досаду при виде человеческой бесчестности, несправедливости и злости, я старался развлечься наблюдениями над папуасскою толпой. Это мне удавалось несколько раз в продолжение дня; тогда вся описанная непривлекательная обстановка исчезала для меня на время; я видел перед собою ряд интересных объектов для исследования и, пользуясь случаем, спешил записывать, измерять и чертить эскизы для дополнения своих заметок. Я измерил по возможности аккуратно дюжины полторы голов и нарисовал эскизы челюстей с громадными зубами, которых величина и форма сперва меня очень озадачили.¹ Вьющиеся, не курчавые, волосы у одного особенно светлого мальчика обратили было мое внимание, но, вспомнив о настоятельных предложениях спутника папуасской дамы, я не счел основательным придавать большое значение такому одиночному исключению из общего типа.

Костюм многих был довольно замечателен, хотя он не был для меня сюрпризом, так как я о нем не раз читал,² но тем не менее вид его очень удивил меня, как курьезное изобретение *Species homo*. У многих конец *penis*'а был защемлен в узкое отверстие *Ovula ovum*. Туземцы, казалось, были очень довольны выдумкой такого национального костюма. Как только они замечали, что кто-либо из европейцев обращал внимание на привешенную раковину, почти всегда находившуюся один, который, стоя на платформе пироги, приводил белую раковину в движение. Она то прыгала вверх и вниз, то в стороны, то вертелась, как колесо, вокруг оси; наконец, туземец, устав или считая, что достаточно потешил публику, делал ловкое движение и прятал *Ovula ovum* между ногами. Движения эти были так ловки, и люди, казалось, имели такой навык делать их, причем разные личности повторяли те же движения и в том же порядке, что не оставалось сомнения в том, что эта гимнастика входит в один из туземных танцев. Когда туземцы меняют костюм, т. е. заменяют «мана» (туземное название *Ovula ovum*) поясом из тапы, то они надевают раковину часто на ухо или вкладывают ее в небольшой мешочек, носимый на шее. Снимая и надевая мана, они, бесцеремонные в других отношениях, стараются не обнажить *glans penis*, закрывая ее рукой или защемляя ее между ногами.³

Я пожелал приобрести для своей этнологической коллекции несколько экземпляров этих раковин, отчасти ради орнамента, который был вырезан на них, отчасти же чтобы удостовериться, что узкое отверстие в раковинах не расширено. Я убедился, что в одном экземпляре оно не было изменено, в другом же было обточено самым значительным образом. Мне казалось очень сомнительным, чтобы эти люди могли втиснуть *glans penis* без боли в такое узкое отверстие, в которое едва входит мизинец взрослого человека, а потому предполагал,

¹ Портрет одного обладателя такой челюсти я послал Русскому географическому обществу при последнем сообщении.

² Waitz-Gerland («Anthropologie der Naturvölker», Bd. VI, S. 566) приводит свидетельство Форстера, Картере и Хунтера об этом обычное.

³ Waitz-Gerland (op. cit., Bd. VI, S. 575) говорит, что в Полинезии единственная часть тела, с обнажением которой соединен стыд, это *glans penis*.

что они защемляют в раковину только *graeputium*, который здесь как у детей, так и у взрослых очень удлиннен. Однако же ближайшее наблюдение над многими индивидуумами показало, что не только *glans*, но и часть *corporis cavernali* помещается в отверстие раковины. Другое обстоятельство, убедившее меня в возможности ношения такого аппарата без серьезных неудобств и последствий для здоровья, то, что сдавливание внешних частей не так сильно, чтобы произвести стриктуру мочевого канала, так как туземцы могут испускать мочу, не снимая раковины, чему я сам был свидетелем и для чего сделано небольшое отверстие в круглой стенке *Ovula ovum*. Этот обычай указывает на незначительный размер мужского полового органа у туземцев, что составляет особенность расы, и этим антропологическим признаком не следует пренебрегать.¹

Рис. 1. Туземец о-вов Адмиралтейства.

Торг, который шел без перерыва, не помешал, однако же, туземцам вспомнить о своем желудке. Одни ели таро, которого здесь, кажется, много и хорошего качества, другие — саго, варенное с тертым кокосовым орехом; некоторые же — какую-то массу кирпичного цвета, которую я сперва принимал за особенным образом приготовленное саго, пока не подошел к завтракающему и не удостоверился, что эта масса не саго, а глинистая земля. Туземец ел ее с удовольствием и долго жевал перед глотанием. Земля, которую называют здесь «э-пате», цветом и вкусом похожа на «ампо» — землю, которую малайцы едят на о. Яве, около Самаранга, и на многих других островах Малайского архипелага.²

Мы употребили почти весь день, чтобы добраться до острова, и к заходу солнца бросили якорь около деревень Губи и Лонеу, в нескольких саженях от берега.

30 мая я отправился в деревню, которая была расположена вдоль берега. Хижины тянулись около самого песчаного берега, а не были спрятаны, как на Новой Гвинее, на берегу Маклая, за поясом берего-

¹ Замечу, что другая крайность (т. е. чрезмерная величина) этого органа найдена у негров (см. Н. Hombrogn. *Anthropologie*, p. 139. *Voyage au Pole sud et dans l'Océanie*, pendant les années 1837—1840) — расы, которая ближе других родственна меланезийской.

² На Яве эту землю продают на улицах тонкими пластинками, слегка поджаренными, как лакомство. Кроме Явы, подобная ей глинистая земля, употребляемая в пищу на о. Амбонне, описана С. Мюллером («*Reisen en onderzoevingen in den Indischen Archipel*», door Salomon Müller, 1857, Deel II, p. 65), а анализы съедобной земли с Суматры находятся в журнале «*Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indië*», Deel XXXIV, 1874, p. 185.